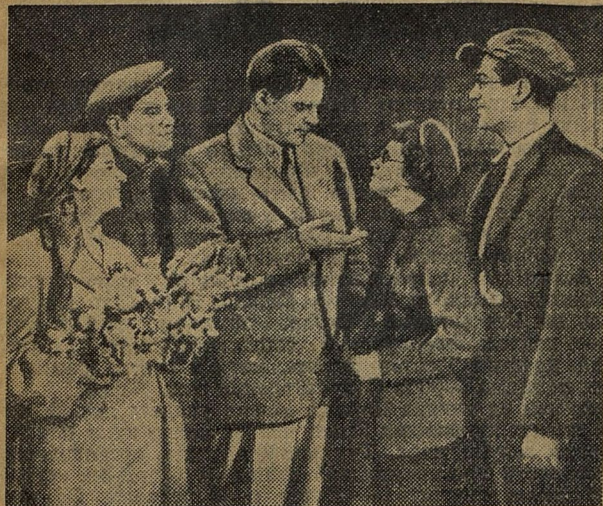

Сцена из спектакля «Они знали Маяковского» В. Катаняна в постановке Ленинградского академического театра драмы имени А. С. Пушкина

УДАЧА АКТЕРА

Всеволод АЗАРОВ

Сцену окаймляет дуга радуги. По ее сторонам — красные силуэты рабочего с молотом в руках и бойца с винтовкой, как бы сошедшие с плакатов РОСТА.

Только что ушел состав, увозящий Маяковского в одну из его поездов в неизвестное. На перроне — молодые друзья поэта.

Не давая занавесу опуститься, к сцене, с галереи, из партера, аплодируя, торопятся те, кого Маяковский назвал своими товарищами-потомками.

Вот уже полгода в Ленинграде, в Театре драмы имени Пушкина, с успехом ставятся «сцены из жизни 20-х годов» В. Катаняна «Они знали Маяковского».

Биограф и один из редакторов сочинений Маяковского — В. Катанян, работая над пьесой, видимо, думал показать молодому зрителю поэта живого, а не мумию, без хрестоматийного глянца, воссоздать атмосферу первых лет борьбы и становления молодой социалистической республики, воспетой Маяковским, — такие сложнейшие задачи стояли перед драматургом.

«Сцены» Катаняна проникнуты любовью к поэту, но при всей яркости и конкретности отдельных деталей они не дают все же возможности режиссеру Н. Петрову и исполнителю главной роли Н. Черкасову полностью решить эти задачи. Дело в том, что в центральных эпизодах пьесы, рассказывая о молодежной коммуне, о комсомольце, приехавшем из Кузнецка, автор дает как бы развернутый драматизированный комментарий, в котором рассказывается, как создавались пьеса «Клоп» и стихи Маяковского о людях Кузнецка. Причем вторично используются жизненные коллизии, уже ставшие предметом литературы. Так, Перхушков в пьесе Катаняна — это копия Присыпкина из «Клопа», история Оли, правда, без трагической развязки, весьма схожа с историей Зои Березкиной.

В отличие от ранней драматургии Маяковского, в его последних пьесах «Баян» и «Клоп» в перечне действующих лиц нет имени поэта. И все же в сценах, проникнутых ненавистью к мещанству, к уродству отживающего капиталистического мира и одухотворенных предвидением будущего, зритель слышит, видит, чувствует поэта, который борется и побеждает, становится соратником нашей борьбы.

Есть ли такие свойства в пьесе Катаняна? Ощущаем ли мы в ней, посвященной прошлому, устремленность в будущее? Да, но не везде.

Явная цитатность присуща ряду сцен пьесы. Пусть это точные копии, но копии всегда бледнее оригинала. И если в обра-

зах комсомольцев, окружающих Маяковского, — Алеша Синякова (И. Горбачев), Оли (Л. Штыкан), рабфаковки Сони (И. Сергеева), буденновца, пошедшего на учебу, Порфирия (Ю. Куракин), — есть обаяние молодости, то прямой параллелизм с пьесой Маяковского (вплоть до погони за клоном) расхолаживает зрителя, делает его равнодушным к их судьбе. Автору не удалось добиться слияния судеб этих героев с судьбой и личностью Маяковского, завязать в единый сюжетный узел повествование о поэте и его окружении.

Пусть в меньшей степени, но такие же замечания можно высказать и по образу комсомольца Долгушина (К. Калинин), от которого Маяковский узнает о героизме строителей Кузнецка. Долгушин так и говорит о стройке: «Это будет совершенно новый город. Рядом с заводом. Город-сад... Вот приезжайте через четыре года — сами увидите».

Эта раскатыченная, изложенная прозой цитата из стихов поэта убивает и обаяние поэзии и делает нарочито наивной обрисовку характера Долгушина. Кроме того, она ведет к примитивному изображению истории создания одного из замечательнейших стихотворений Маяковского.

Почему же и в спектакле и в пьесе ряд сцен взволнованно и горячо принимают зрители?

Талантливая постановка Н. Петрова, замечательные декорации А. Тышлера, ряд актерских удач не придали бы спектаклю увлекательности и своеобразия, если бы не нашелся исполнитель центральной роли Владимира Маяковского. Н. Черкасов давно мечтал об этой роли, готовился к ней. Его игра — высокое творческое достижение.

Не везде дает драматург возможность артисту довести до зрителя дорогой ему образ. Мешает то, что В. Катанян иногда смещает историческую перспективу, показывая взаимоотношения Маяковского с читателями такими, какими они представляются нам сейчас. Неудачна, на наш взгляд, первая сцена в кафе поэтов, где Маяковский показан декларативно. Получается, что он приходит в кафе только для того, чтобы представиться — бросить презрительную реплику эстетствующему поэтику и прочесть «Левый марш». Если идейное ничтожество литературной шумеры дано в этой сцене убедительно, то превосходство Маяковского над этими людишками эмоционально никак не подтверждено. Его приход и уход ничем не мотивированы. Да и читает Черкасов в этом эпизоде стихи тезисно, иллюстрационно, без заботы о том, чтобы это служило раскрытию образа. И характерно, что зритель, горячо встречающий первое появление Маяковского —

Черкасова, узнавая поэта, провозглашает его холодно, и вся сцена в кафе принимается менее

взволнованно, чем последующие.

К счастью, по-иному раскрывается образ поэта в других сценах: в мастерской РОСТА и в редакции «Комсомольской газеты».

Удачны сцены с журналисткой Мариной (Л. Дачко). Она любит Маяковского, его поэзию, стремится оградить его от злобных, клеветнических выпадов врагов, травивших поэта.

Сцена, в которой Маяковский и Марина из окна наблюдают встречу Алеша Синякова с Олей, очень лирична. Здесь у Черкасова появляется волнующий подтекст, который так необходим ему для углубленной трактовки образа. «Видите — везде снег, — говорит Маяковский, — а вокруг них он растаял. Цветы распускаются».

Могут сказать, что и здесь мы имеем дело с творческим заимствованием из кино-сценария Маяковского «Как поживаете». Но в данном случае, так же как и в сцене выступления в Политехническом музее, цитаты из высказываний и произведений Маяковского введены в пьесу органично.

Маяковскому Черкасова веришь. Веришь потому, что за каждой репликой, жестом, неуловимым душевным движением стоит непоколебимая внутренняя убежденность.

Жаль, что борьба Маяковского со своими идейными противниками дана без должной остроты. Наиболее интересно задуман в этом плане конфликт Маяковского со своим старым знакомым — поэтом Иннокентием Хромовым (Б. Фрейндлих). Здесь автору, видимо, хотелось показать, что и среди тех, кого Маяковский считал своими друзьями, находились люди, утверждавшие, что политика, пропаганда, борьба за мир не могут быть предметом истинной поэзии. Когда этот «друг», нацелившись в самое болезненное место, объявляет, что стихи Маяковского непонятны народу, великий поэт говорит с горечью:

— Если меня не понимают те, к кому я обращаюсь, — это моя вина.

— Нет. Твоя вина в другом, — отвечает Хромов. — Ты виноват в том, что добиваешься, чтобы тебя поняли.

Это вызывает негодование Маяковского, и на наших глазах происходит разрыв с тем, кто был дорог поэту.

В. Катанян мог и в других эпизодах так же углубленно показать классовую сущность тех, кто путался в ногах у великого поэта, оскорбляя его клеветой, называя вдохновенную песню в честь Октября «Хорошо!» поэмой, сделанной из картона, вырывал портрет Маяковского из тиража журнала...

Пьеса «Они знали Маяковского» во многом несовершенна. Но в ней есть и то, что дорого, — отдельные штрихи жизни, борьбы, любви к людям большого человека, поэта советской эпохи, нашего современника, близкого друга.

ЛЕНИНГРАД